

«Κατ' ἀρχὰς οἴσῃς τῆς νυκτός» (р. 532.9—10) означает не «еще ночью» (стр. 179), а еще в начале ночи.

«Περίπατος τοῦ τείχους» (р. 536.10—11) означает не просто «стена» (стр. 181), а, видимо, брустверы стены.

«Οὐδὲ βροντῆς» (р. 593.21) означает не «более громких звуков» (стр. 207), а «но даже грома».

В переводе «Взятия Фессалоники» имеется еще несколько подобных неточностей, на которых мы не останавливались. Но все сказанное имеет второстепенное значение и, как мы говорили в начале нашей статьи, никак не умаляет отлично, с умением дела и добросовестно сделанной работы переводчиков С. В. Поляковой и И. В. Феленковской.

Р. М. Бартикян

ОБЗОР РАБОТ ПРОФ. Д. С. АНГЕЛОВА И ПРОФ. М. Н. АНДРЕЕВА ПО ИСТОРИИ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ФЕОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Первый опыт марксистского пособия по истории политического строя и права средневекового Болгарского государства проф. Д. С. Ангелов опубликовал в 1951 г.¹

К этому времени историки-медиевисты народно-демократической Болгарии — в их числе и сам Ангелов — проделали уже значительную работу по критическому пересмотру ряда основных социально-экономических проблем болгарской истории и в первую очередь таких, как предпосылки и особенности возникновения Болгарского государства, характер общественного строя средневековой Болгарии, классовая борьба. Но по вопросам, связанным с административным устройством Болгарского государства, структурой государственного аппарата, сколько-нибудь обстоятельных новых работ в 1945—1950 гг. не появилось.

Еще меньше было сделано в области научного исследования болгарского средневекового права. Достаточно сказать, что еще в 1946—1947 гг. переиздавался учебник Вл. Алексиева-Младинова, в котором не только повторялись, но даже во многих случаях усугублялись методологические и политические пороки работ С. Бобчева, Н. Благоева и других буржуазных историков права.

В этих условиях естественно, что книга Ангелова не могла отличаться одинаковой полнотой и убедительностью во всех своих разделах.

Автор стремится рассматривать историю Болгарского государства и права на основе марксистско-ленинского учения о государстве и его классовом характере. Достаточно обстоятельно, с серьезной и глубокой критикой взглядов В. Златарского, П. Мутафчиева и Вл. Алексиева, обрисован процесс возникновения Болгарского государства в конце VII в. и, в частности, роль в этом процессе славян и протоболгар (10—19). В противовес утверждениям буржуазной историографии, что «государственность» была будто бы привнесена в среду славян протоболгарами, Д. Ан-

¹ Д. Ангелов. История на българската държава и право. София, 1951, 212 стр. (стеклография).

гелов показал, что предпосылки возникновения государства были созданы внутренним развитием самих славянских племен. Классовая характеристика Болгарского государства в первый период его истории была, однако, дана автором в соответствии с господствовавшими тогда среди болгарских историков воззрениями: Славяно-Болгарское государство в VII—IX вв., утверждал автор, «не было ни рабовладельческим, ни феодальным» (19), а «дофеодальным», причем термин «дофеодальное государство» толковался в духе концепции С. В. Юшкова, ныне отвергнутой марксистской историографией (19—24).

Наиболее подробно останавливался Д. Ангелов на характеристике общественного и политического строя феодальной Болгарии в X—XIV вв. (86—110). Он широко использовал не только собственно болгарские, но и сербские и византийские источники. Приходится, однако, отметить, что автору не удалось показать всей сложности процесса возникновения и развития различных форм феодальной зависимости непосредственных производителей. Говоря о положении свободных крестьян в X—XIV вв., которых он вслед за А. Бурмовым² называет еще «баштинниками», автор остановился главным образом на экономической стороне вопроса (95—96), не уделив достаточного внимания *неполноправности* крестьян, которая возникла вместе с образованием раннефеодального государства и, несомненно, во многом облегчила представителям господствующего класса эксплуатацию и закабаление «свободного крестьянства».

Хотя систематика отраслей права средневековой Болгарии у Д. Ангелова по существу еще остается старой, традиционной (вещное право, обязательственное право, личное и семейное право, наследственное право и т. д.) и автор не дает иного членения, обусловленного особенностями феодального строя и характерного только для системы феодального права³, все изложение во всех параграфах книги построено на совершенно иных принципах, чем в работах С. Бобчева, Н. Благоева и В. Алексиева. В то время как для последних главное заключалось в том, чтобы выяснить, в какой мере правовые нормы в средневековой Болгарии соответствовали «классическому» римскому праву, Д. Ангелов особо подчеркивал связь между теми или иными юридическими институтами и отношениями феодального строя, т. е. социальную обусловленность права. Историю права, как и историю Болгарского государства, проф. Д. Ангелов делил на два основных периода: VII—IX вв. и X—XIV вв. и пытался проследить — пусть даже не всегда бесспорно — изменения правовых норм, вызванное становлением и укреплением в Болгарии феодализма.

В ряде случаев автор ставил вопрос о соотношении обычаев и обычного права и о их месте в юридической надстройке феодального общества.

В 1951—1954 гг. Д. Ангелов продолжал исследование вопросов, связанных с историей средневекового Болгарского государства, уделяя особое внимание периоду с конца IX в. до турецкого завоевания. Им, в частности, был написан соответствующий раздел I тома «Истории Болгарии», подготовленного Институтом болгарской истории при БАН⁴. Раздел

² А. Бурмов. Зависимото население в България през XIII и XIV в. ИИ, год. III (1946—1947), кн. 3, стр. 257 сл. В дальнейшем болгарские историки отказались от этого термина.

³ См по этому вопросу: Л. И. Дембю. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л., 1954, стр. 7 сл. Ср. выступления участников обсуждения этой книги («Советское государство и право», 1955, № 7, стр. 137—139).

⁴ «История на България», т. I. София, 1954, стр. 117—241.

этот получил высокую оценку со стороны как болгарских, так и советских ученых⁵.

В эти же годы история болгарского права занимает все большее место в научной работе проф. М. Н. Андреева (заведующего сектором истории права Института права БАН), ранее специализировавшегося преимущественно в области римского права. Он исследовал неизученную еще рукопись Синтагмы Матвея Властаря из библиотеки Рильского монастыря и опубликовал о ней краткое предварительное сообщение⁶. В Ежегоднике Софийского университета за 1954—1955 гг. напечатана его большая статья об обычном праве в Болгарии в период турецкого феодализма⁷. В статье рассматриваются причины, в силу которых турки-завоеватели вынуждены были признать и санкционировать некоторые правовые обычаи, действовавшие в среде болгарского населения, превратив их тем самым в обычное право (стр. 55—66). Это обычное право вместе с каноническим правом православной церкви регламентировало семейные правоотношения болгар. Оно было действенным и в сфере гражданского обмена, за исключением тех случаев, когда болгарское население обращалось к турецким судам. Значительно более ограниченным было применение болгарских юридических обычаев в области уголовного права и уголовного процесса. По нормам обычного права наказывались лишь маловажные посягательства на собственность самих болгар (67—82). Особая глава статьи посвящена исследованию возникновения и развития обычного права, регламентировавшего отношения внутри так называемых «еснафов» — цеховых организаций болгарских ремесленников (83—95).

На основании этих работ, а так же используя в той или иной мере новые исследования других болгарских ученых⁸, Д. Ангелов и М. Андреев подготовили большой труд «История болгарского государства и права», вышедший в свет в конце 1955 г.⁹

Книга состоит из трех частей: 1) «Введение в историю болгарского государства и права» (стр. 5—43); 2) «Болгарское феодальное государство и право» (стр. 47—217) и 3) «Турецкий феодализм в болгарских землях» (221—335). Введение и разделы второй и третьей частей, посвященные общественному и политическому строю, написаны Д. Ангеловым, а разделы по истории права — М. Андреевым.

Во введении, кроме краткой формулировки общих задач этой отрасли историко-юридической науки, дан небольшой обзор работ болгарских буржуазных историков древнеболгарского права (5—18) и характеристика источников (19—43).

Значительно полнее, чем в упоминавшейся выше аналогичной работе 1951 г., Д. Ангелов показал теперь процесс образования Болгарского

⁵ В эти же годы Д. Ангелов совершенно переработал II часть «Истории Византии», в которой затронул ряд вопросов средневекового права («История на Византия», ч. II. София, 1952, стр. 57—64, 134 и др.).

⁶ См. «Известия на Правния институт при БАН», 1955, кн. 1—2, стр. 296 сл.

⁷ М. А н д р е е в. Към въпроса за обичайното право в България през времето на турския феодализъм. «Годишник на Софийския университет. Юрид. фак-т», т. XLVII, ч. I, 1955, стр. 53—100.

⁸ Следует отметить, что с начала 50-х годов наряду с интересными работами Ал. Бурмова, Ив. Дуйчева, Г. Цанковой-Петковой и других, посвященными VII—XIV вв., стали появляться обстоятельные исследования и ценные публикации по турецкому периоду болгарской истории Б. Цветковой, В. Мутафчиевой, Н. Попова, П. Миятева и др. Турецкому периоду посвящено и больше половины первого тома «История на България» (БАН) (авторы Ал. Бурмов, Хр. Гандев и И. Снегаров). В 1954 г. вышел из печати подготовленный Институтом славяноведения АН СССР первый том «Истории Болгарии».

⁹ Д. А н г е л о в, М. А н д р е е в. История на българската държава и право. София, 1955, 340 стр.

государства (стр. 47—60). По иному — как «раннефеодальное», а не «дофеодальное» — определяет он и характер государства периода VII—IX вв. (64 сл.). Подробнее, чем в I томе «Истории Болгарии» (БАН), изложены параграфы, посвященные общественному и политическому строю Болгарии в IX—XIV вв. (82—135).

В разделе «История болгарского феодального права» после краткого введения (138—141) следуют главы «Феодальная собственность» (142—153), «Обязательственное право» (154—163), «Личное и семейное право» (164—178), «Наследственное право» (179—184), «Уголовное право» (185—199) и «Процесс» (200—215). Хотя в отношении общей структуры раздел еще сравнительно незначительно отличается от соответствующей части работы Д. Ангелова 1951 г., содержание глав уже значительно больше, чем во всех предшествующих работах, опирается непосредственно на болгарские средневековые источники. Это не значит, конечно, что М. Андреев не прибегает к сравнительно-историческому методу, но делает он это с большой осторожностью и только в действительно необходимых случаях. Изложение не перегружено излишним количеством терминов и дефиниций, заимствованных из «классического» римского права.

В первом отделе третьей части хорошо показано, каким тяжелым бедствием для турецкого народа было турецкое завоевание (222 сл.). Очень подробно, — быть может, даже излишне подробно для специальной историко-правовой работы — обрисовано культурно-просветительное и национально-освободительное движение болгар в период последних ста лет турецкого господства (252—267).

Второй раздел этой части — «Право в болгарских землях во время турецкого феодализма» (269—333) — в основном составлен по статье М. Андреева, о которой уже было сказано выше. Новым здесь является только первая глава «Турецкая феодальная собственность» (273—285).

Но наряду с несомненными достоинствами труд этот не лишен и недостатков, некоторые из них, правда, следует сразу же объяснить крайней скудостью источников, особенно по раннефеодальному периоду. Однако не все недостатки работы можно объяснить этой причиной.

Отметим прежде всего, что в книге нет четкой и единой периодизации истории Болгарского государства и права. Тот вариант периодизации, который мы можем прочесть на стр. 8, не учитывает *внутреннего* развития феодальной формации в Болгарии. В нем не нашли своего отражения ни период раннефеодальной монархии, ни период феодальной раздробленности. Не удивительно, что в дальнейших главах сам материал заставил авторов отойти в некоторых случаях от этой односторонней схемы, хотя полной четкости нет и здесь. Так, Д. Ангелов выделил характеристику государственного строя раннефеодальной Болгарии в отдельную главу (стр. 61—72), и это, конечно, очень хорошо, но правомерно ли закончить эту главу рубежом VIII—IX вв.? Разве X в. не относится к раннефеодальному периоду и разве государство после «реформ Крума» перестало быть раннефеодальным? Неясным остается для читателя и ответ на вопрос, когда же Болгария вступила в период феодальной раздробленности — то ли уже во второй половине X в. (см. 102), то ли только в конце XIII—XIV вв. (см. 130—131).

При вполне четкой *экономической* характеристике различных классов средневековой Болгарии не всегда обращается достаточно внимания на их *правовое* положение, хотя, как известно, при феодализме сословный момент играл весьма существенную роль. Так, например, в главе об общественно-политическом устройстве Болгарского государства в VII—VIII вв. (61—72) Д. Ангелов ничего не говорит о переменах в положении

свободного крестьянства после образования государства: еще не закрепощенное, оно, однако, стало неполноправным. Автор же ограничивается лишь тем, что несколько раз подчеркивает, что оно будто бы «не было полностью лишено участия в управлении» (65, ср. 68—69).

Неточным является и утверждение автора, что в раннефеодальный период «войско представляло собой вооруженный народ» (71).

Особенно много замечаний и вопросов вызывают главы, посвященные феодальной собственности в средневековом Болгарском государстве (142—153) и в период турецкого господства (273—285).

М. Андреев почему-то нигде не останавливается на соотношении понятий «собственность» и «право собственности» и почти всюду — во всяком случае до стр. 284 — пользуется только одним термином «собственность» — даже тогда, когда речь идет о *праве собственности*.

Неясно, далее, почему М. Андреев, признавая правомерным применение при анализе феодальных правоотношений таких понятий, как *dominium directum* и *dominium utile*, не счел возможным воспользоваться понятием *dominium eminens*, что, кажется, избавило бы автора от отождествления права верховной собственности болгарского царя как главы феодального государства на всю государственную территорию с правомерными другими болгарскими феодалов на их вотчины (147—149).

Недостаточно ясно сказано и о юридической природе проиального землевладения: на одной и той же странице (150) напечатано, что «нельзя говорить о собственности проиара» на земли, а несколькими строками ниже проиия квалифицируется как одна из форм феодальной собственности. В книге признается концепция разделенной собственности и вместе с тем используется термин «полная феодальная собственность» (150).

В параграфе «Права крестьян на землю» (151—152) проф. М. Андреев утверждает, что «лично свободный крестьянин был собственником своей земли», хотя при этом характеризует его право собственности как *dominium utile* и тут же подчеркивает, что *dominium directum* на эти земли имело или государство, или феодал (152), не проводя, таким образом, строгого разграничения между категориями, отражающими правоотношения *внутри* класса феодалов (как это он сам же показал в предшествующем параграфе) и правоотношения *межклассовые*. Автор ссылается при этом на мнение, высказанное А. В. Венедиктовым в § 27 его известной работы «Государственная социалистическая собственность». Но, во-первых, А. В. Венедиктов очень настойчиво подчеркивал, что он имел в виду «лишь одну из категорий той пестрой массы вечнонаследственных держателей земли на чиншевом праве»¹⁰, а отнюдь не все так называемое свободное крестьянство; во-вторых, именно это мнение Венедиктова, несмотря на все его оговорки, вызвало наиболее обоснованные принципиальные возражения других советских ученых¹¹.

Кроме того, каковы у нас основания отождествлять болгарских крестьян, живущих на землях, верховным собственником которых считался глава государства, с той категорией чиншевиков, о которых говорил

¹⁰ А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. М.—Л., 1948, стр. 223.

¹¹ Л. И. Дембю. Указ. соч., стр. 86—87. Напомним, что акад. Б. Д. Греков в 1-м издании своей известной работы «Крестьяне на Руси» (М., 1946), признававший, правда, с оговорками, возможность применения концепции «расчлененной» (по его терминологии) собственности к поземельным отношениям крестьян с помещиками, во 2-ом издании (М., 1959) от этого отказался.

А. В. Венедиктов? Разве не правильнее искать аналогию между ними и так называемыми «черносошными крестьянами» на Руси? ¹²

Почти такие же вопросы и замечания вызывает и глава «Турецкая феодальная собственность». И здесь читателю трудно составить отчетливое представление о том, какое же право имел глава турецкого государства на завоеванные турками земли. И здесь автор то отрицает применимость к турецким земельным правоотношениям концепции разделенной собственности (274) и утверждает, что спахия был «только управителем данного ему лена» (там же), то говорит о «спахийской феодальной собственности» (280). К недостаткам этой главы следует отнести также то, что в ней не показано, в чем же конкретно аграрный строй, установленный турками на Балканском полуострове, испытал на себе влияние византийской прони и болгарского феодального поземельного режима» (273). М. Андреев ограничился лишь этой весьма общей формулировкой, не используя даже тех наблюдений, которые уже давно имеются по этому вопросу, например о сходстве спахилука с пронией, о византийском происхождении вакуфов и т. д.

Некоторые главы книги не имеют достаточной композиционной стройности. Сошлемся в качестве примера на главу об уголовном праве средневековой Болгарии. Здесь часть вопроса о различных видах наказаний рассматривается почему-то во вступительном очерке (стр. 188—189), хотя дальше следует специальный параграф «Членовредительские и епитимийные наказания» (190—192), где этот вопрос снова рассматривается во всем объеме. Повторения нередки и при характеристике видов преступления, ибо этот вопрос тоже излагается в двух параграфах (192—199).

Значительных дополнений требовала последняя глава III части — об обычном праве в период турецкого господства (299—333). Например, в ней совершенно отсутствовала характеристика правоспособности по болгарскому обычному праву, не было показано изменение норм обычного права в связи с проникновением в болгарские земли капиталистических отношений. Теперь, спустя шесть лет после выхода этого издания, нетрудно заметить ряд его недостатков, но в то время эта книга была лучшим пособием как для студентов — юристов и историков, для которых, собственно, она непосредственно и предназначалась, так и для всех занимающихся историей болгарского народа в феодальный период.

Вскоре после издания «Истории» М. Андреев опубликовал еще две работы о болгарском обычном праве. В первой из них ¹³ внимание автора сосредоточено главным образом на тех изменениях, которые произошли (или наметились) в обычном праве, регламентировавшем договоры, в связи с развитием в болгарских землях капиталистических отношений. В статье убедительно показано, как проникновение капитализма, особенно в период после Крымской войны, меняло постепенно содержание договоров, а нередко и их форму (227—234). Удачно разработан вопрос о дееспособности по болгарскому обычному праву (стр. 220—223), т. е. как раз то, что было пропущено в 1-м издании «Истории». Вторая статья ¹⁴ носит более популярный характер, являясь в сущности как бы подроб-

¹² А. В. Венедиктов. Указ. соч., стр. 215—217.

¹³ М. Андреев. Договорного обычного право в българските земи през последните десятилетия на турското иго и особено след Кримската война 1853—1856 г. (ГСУ, юрид. фак-т, т. XLVII, ч. II. София, 1956, стр. 207—236).

¹⁴ М. Андреев. Българското обичайно право и неговото развитие през последните десятилетия на турското иго. ИП, год. XII, 1956, кн. 5, стр. 59—74.

ным резюме всех предшествующих исследований автора, относящихся к этой теме.

В эти же годы М. Андреев работает и над исследованием вопросов, связанных с происхождением «Закона судного людем». Как известно, несмотря на обширную литературу, посвященную этому памятнику¹⁵, общепринятого мнения о месте и времени его появления и о его характере — государственный ли это законодательный акт или частная компиляция — еще нет. Казалось, что наименее спорным является вопрос о месте создания «Закона судного людем»: до последнего времени большинство исследователей считало, что это памятник староболгарского права. Но с конца 40-х годов австрийский историк права А. Шмидт и чешский филолог И. Вашица пытаются доказать, что «Закон судный людем» составлен для западнославянских стран (Паннонии или Великой Моравии).

В отличие от подавляющего большинства исследователей, интересовавшихся этим памятником, М. Андреев сосредоточивает свое внимание не на том, какие юридические источники были использованы составителями «Закона судного людем», а на выяснении вопроса о целях и задачах, ради которых он был создан. В двух своих статьях¹⁶ автор показывает, что отбор круга правоотношений, нашедших свое отражение в «Законе», вполне объясняется теми условиями, которые создались в Болгарии во второй половине IX в. после связанного с развитием феодализма принятия христианства. Болгарское происхождение «Закона судного людем» М. Андреев подкрепляет сопоставлением содержания этого памятника с ответами папы Николая на вопросы князя Бориса. Эти исследования М. Андреева во многом достаточно убедительно опровергают аргументацию как А. Шмидта, так и И. Вашицы. Но по вопросу о времени составления «Закона» М. Андреев ограничился лишь общей формулировкой — «вскоре после крещения болгар» — и это тем более жаль, что в последние годы некоторые болгарские историки пытаются приурочить этот памятник ко времени византийского господства¹⁷.

Проф. Д. Ангелов работал в эти годы главным образом над монографией «Аграрные отношения в Северной и Средней Македонии в XIV в.» (София, 1958). Некоторые из сделанных им при этом наблюдений имеют существенное значение для уточнения сословно-правового положения некоторых категорий зависимого населения в Болгарии в период развитого феодализма (в частности, отроков и технитариев), а также для характеристики правовых особенностей монастырского землевладения. Кроме того, Д. Ангелов принимал участие в подготовке издания «Болгарское военное искусство эпохи феодализма» (София, 1958), в котором наряду с историей отдельных войн, кампаний и сражений довольно подробно рассматривались принципы организации и комплектования вооруженных сил средневековой Болгарии и место военных органов в общей системе ее государственного аппарата.

Материал для дальнейшей разработки истории политического строя и правоотношений в болгарских землях в период феодализма давали и

¹⁵ Обширный, но далеко не полный список (с аннотациями) дан в труде В. Ганева «Законъ соудный людьмъ» (София, 1959, стр. 144—157).

¹⁶ «Законъ соудный людьмъ — староболгарски правен паметник» («Правна мысль», 1958, кн. I, стр. 13—27) и «Към въпроса за произхода и същността на Законъ соудный людьмъ» (ГСУ, юрид. фак-т, т. XLIX. София, 1957, стр. 111—167). Первая из этих статей с незначительными изменениями опубликована в русском переводе («Славянский архив». М., 1959, стр. 3—22).

¹⁷ См. рецензию Ал. Бурмова, Д. Косева и Хр. Христова на «Историю Болгарии» (Изд. АН СССР). ВИ, 1957, № 2, стр. 185—186.

многие новые работы других болгарских историков, опубликованные после 1955 г.

Все это дало возможность М. Андрееву и Д. Ангелову дополнить, а отчасти и переработать к 1959 г. свою «Историю болгарского государства и права»¹⁸.

Так, в главу, посвященную источникам, М. Андреев включил довольно подробный разбор «Закона судного людем» (24—30) и изложение Синтагмы Матвея Властаря (33—36). Отмечено открытие Дж. Ст. Радойичичем в архиве Хиландарского монастыря на Афоне нового списка Земледельческого закона (23—24). К сожалению, и теперь еще нет полного соответствия этой главы с текстом последующих. Например, нет анализа обширной редакции «Закона судного людем», хотя в дальнейшем авторы неоднократно на нее ссылаются (например, на стр. 184, 213, 218, 221 и др.), не сказано о причинах двойной нумерации некоторых статей «Законника Стефана Душана», хотя в тексте глав двойная нумерация встречается довольно часто (см., например, стр. 177, 247, 250 и др.). В тексте есть ссылка (например на стр. 346) на сборник Арменопула, в источниковедческой же главе о нем даже не упоминается. По-прежнему более чем кратко — всего на 2¼ страничках (50—52) — сказано об источниках периода турецкого господства.

В разделе, посвященном истории Болгарского государства, Д. Ангелов дополнил и уточнил главным образом те параграфы, в которых давалась характеристика классов и классовых отношений в XIII—XIV вв. Дополнения эти внесены из упоминавшегося уже выше исследования того же автора об аграрных отношениях в Македонии и очень полезны для характеристики феодальной аристократии (127—129) и некоторых категорий зависимого сельского населения (особенно отроков, см. стр. 130). Непонятно, однако, почему проф. Д. Ангелов и в этом издании при характеристике *сословно-правового* положения сельского населения продолжает выделять в особую категорию так называемых технитариев (131), хотя сам же в «Аграрных отношениях. . .» совершенно справедливо утверждал, что технитариями могли быть и парики, и отроки, что этот термин указывал не на социально-правовое положение крестьянина, а на его промысел, главное занятие¹⁹. Приходится пожалеть и о том, что Д. Ангелов не считал возможным в параграфах, посвященных военной организации Болгарского государства (112—114 и 147—149), использовать материалы труда «Болгарское военное искусство эпохи феодализма», одним из авторов которого, как уже упоминалось, был он сам. В параграфе, посвященном военной организации зрелого феодализма, есть лишь одна подстрочная ссылка на этот труд.

В разделе о социально-экономическом строе и политическом устройстве болгарских земель в период турецкого господства Д. Ангелов изменил — с учетом новых материалов — главным образом главу о национально-освободительной борьбе болгарского народа против турецкого ига (особенно стр. 305—308).

Наиболее значительной переработке подверглись разделы, непосредственно посвященные праву. Правда, и здесь не все еще главы пересмотрены с одинаковой тщательностью, и меньше всего, к сожалению, сделано это относительно глав о феодальной собственности (163—177 и 313—328).

¹⁸ М. Андреев, Д. Ангелов. История на българската държава и право. Второ переработено и допълнено издание. София, 1959, 416 стр.

¹⁹ Д. Ангелов. Аграрните отношения в Северна и Средна Македония през XIV век. София, 1958, стр. 111—112.

Добавления М. Андреева носят главным образом иллюстративный характер. Уточнение формулировок осуществлено недостаточно последовательно. Например, и в этом издании автор продолжает пользоваться выражением «неполная собственность феодала на работника производства — крепостного» (166), вполне пригодным для популярной общеисторической или историко-экономической книги, но не для историко-правового исследования²⁰. Нет ответа и на те вопросы, которые возникали у читателя в связи с трактовкой М. Андреевым в первом издании книги особенностей феодальной собственности. По-прежнему отсутствует и сколько-нибудь развернутое сопоставление аграрных правоотношений в период Второго Болгарского царства с правоотношениями после турецкого завоевания, хотя интересный новый материал, — правда, не слишком еще обширный — можно было бы найти в работах Б. Цветковой, В. Мутафчиевой и у других авторов, опубликовавших свои исследования после 1955 г.²¹

Очень существенно переработаны главы об уголовном праве средневековой Болгарии (217—239) и о процессе (240—257). Они значительно расширены; введены новые разделы, например «Субъект преступления» (221—224), «Вина» (224—226). Намного лучше, чем в первом издании, конкретнее и убедительнее показано развитие уголовно-правовых норм и процесса в период самостоятельного существования Болгарского феодального государства. Значительные добавления сделаны и в некоторых других главах этого раздела [см., например, главу «Договоры», § 4 главы пятой — «Отношения между родителями и детьми» — и др. Интересна «Схема порядка наследования по славянской Эклоге» (211), включенная в главу шестую].

Весьма примечательно, что автор изменил название почти всех глав этого раздела. Так, глава, ранее называвшаяся «Обязательственное право», теперь озаглавлена «Договоры», глава «Личное и семейное право» теперь разделена на две: «Правоспособность и дееспособность» и «Брак и семейно-правовые отношения» и т. д. В этом нельзя не увидеть стремления автора отказаться от распространенной, но неправильной традиции классифицировать нормы феодального права по той же самой схеме, которая характерна, в сущности, только для системы буржуазного права. Новые названия указывают лишь на то, какие *области* общественных отношений (например, брак, наследование и т. п.) регулировали нормы староболгар-

²⁰ Отметим, что у нас теперь это выражение уже не употребляется даже в экономической литературе, например в новых изданиях учебника «Политическая экономия». Непонятно, почему Ф. Морозов («Об одном опыте изложения политэкономии феодализма». «Вопросы экономики», 1958, № 11, стр. 147—152), совершенно правильно отмечая, что классики марксизма-ленинизма не пользовались термином «неполная собственность» (151), вместе с тем утверждает, что он характерен будто бы для «правовой концепции производственных отношений феодализма» (150).

²¹ См., в частности: Б. Цветкова. Принос към изучаването на турския феодализъм в българските земи през XV—XVI в. («Известия на института за българска история», кн. 5, 1954, стр. 71—153; кн. 6, 1956, стр. 115—184); е е ж е. Извънредни данъци и държавни повинности в българските земи под турска власт. София, 1958, стр. 226 (ср. рецензию на эту книгу Стр. Димитрова. ИП, год. XV, 1959, кн. 2, стр. 94—103); е е ж е. О религиозно-национальной дискриминации в Болгарии во время турецкого владычества («Советское востоковедение», 1957, кн. 2, стр. 78—88); В. Мутафчиева. Феодалната рента, присвоявана от ленния държател в Османската империя с оглед на нашите земи през XV—XVI в. ИИБИ, кн. 7, 1957, стр. 163—200; е е ж е. К вопросу о феодальной ренте в Османской империи — принудительные выкупы в XVII—XVIII вв. КСИС, вып. 24, 1958, стр. 90—99; е е ж е. Към въпроса за чифлитите в Османската империя през XIV—XVII вв. ИП, год. XIV, 1958, 1, кн. 1, стр. 34—57. См. также: Дм. Косев. Към изоснявани на някои проблеми от историята на България през XVIII и началото на XIX в. ИП, год. XII, 1956, кн. 3, стр. 26—62.

ского права, но не утверждают, что и в средние века каждой из этих областей соответствовала самостоятельная отрасль права. «Классификация отраслей права в каждой системе права обусловлена не только наличием определенных областей общественных отношений, но также и основными принципами, заложенными в данной системе права, выражающими определяемую объективными экономическими законами структуру общественных отношений»²².

Перестроены, с очень большими добавлениями, последние главы второго раздела третьей части об обычном праве в болгарских землях в период турецкого господства (343—397). М. Андреев включил в них почти весь текст своей упоминавшейся уже выше статьи из второй части 47-го тома «Ежегодника юридического факультета Софийского университета».

Приходится пожалеть, что глава о еснафах (329—342) осталась почти слово в слово такой же, какой она была в первом издании. Ведь опубликованные после 1955 г. работы о болгарском ремесле в XVIII—XIX вв. дают возможность не только конкретизировать, но и уточнить некоторые утверждения автора. Особенно следовало бы учесть статью Н. Тодорова «О некоторых изменениях в характере цеховых организаций в первой половине XIX в.»²³, в которой, в частности, по-новому и, надо признать, интересно ставится вопрос о том, какое влияние на цеховые организации оказало развитие капиталистических отношений в болгарских землях (ср. хотя бы стр. 73 статьи Н. Тодорова и стр. 341 «Истории»).

Второе издание значительно лучше первого и в методическом отношении. Четче стали многие формулировки (ср., например, стр. 92 второго издания и стр. 79 первого или соответственно 158 и 139, 178 и 154, 180 и 155, 194 и 168, 204 и 183 и др.), более стройной структура некоторых глав (например, гл. III второго отдела второй части). Устранены отдельные повторения, и кое-где снят материал, не являющийся необходимым для данной работы (ср., например, стр. 300 второго издания и стр. 259 первого или соответственно 302 и 261—262, 308 и 266 и т. д.). Довольно широко использован петит. Но число опечаток и неточностей не уменьшилось — даже таких, которые никак не могут быть отнесены за счет типографии, вроде, например, того, что основная работа В. Златарского названа «История болгарского народа в средние века» (стр. 8, а в I издании — стр. 10).

Почти всюду, где это требуется, даны подстрочные ссылки на литературу (в первом издании был только общий список литературы). Во многих случаях в тексте указаны статьи цитируемых источников. Добавлен предметный указатель, который, понятно, значительно облегчает всякого рода справки, хотя он и недостаточно полон.

При подготовке нового издания — а оно, несомненно, потребуется — следовало бы несколько более подробно остановиться на *народных* воззрениях на государство, собственность, брак и другие институты²⁴, не превращая, конечно, книги в историю политических учений.

²² Л. И. Дембю. Указ. соч., стр. 8.

²³ ИП, год. XIV, 1958, кн. 4, стр. 44—76. Ср. Ст. Цонев. Към вопроса за разложение на еснафските организации у нас през периода на Възраждението. София, 1956.

²⁴ См. Д. Ангелов. Богомилство в Болгарии. М., 1954 (особенно стр. 75—78, 92—95); Б. Примов. Към въпроса за общественно-политическите възгледи на богомилите (ИП, год. XI, 1955, кн. 1, стр. 32—48); е го же. Отношението на богомилите и на техните западни последователи към труда, частната собственост и държавата (ИП, год. XII, 1956, кн. 1, стр. 36—58); Ср. Н. П. Благоев. Правни и социални възгледи на богомилите. София, 1912.

Последняя из известных у нас (к концу 1959 г.) работ Д. Ангелова и М. Андреева — обширные примечания к упоминавшемуся уже выше исследованию В. Ганева о «Закоме судном людем» (София, 1959 г.). Но сколько-нибудь подробный анализ этих примечаний возможен только в связи с разбором всего текста публикации, что, естественно, выходит за рамки данного обзора. Здесь достаточно сказать, что примечания по существу повторяют основные положения об общем характере и особенностях болгарского права IX в. из второго издания «Истории болгарского государства и права» и, несомненно, во многом помогают читателю правильно оценить работу В. Ганева.

Как видим, даже краткий обзор книг и статей Д. Ангелова и М. Андреева, опубликованных ими в 1951—1959 гг., убедительно свидетельствует о плодотворности исследований этих ученых в области истории политического строя и права в болгарских землях в период феодализма.

Н. Н. Леман

FREDDY THIRIET. LA ROMANIE VENICIENNE AU MOYEN ÂGE.

**La développement et l'exploitation du domaine
colonial vénitien
(XII—XV siècles). Paris, 1959, 471 p.**

Книга Фредди Тирье посвящена истории венецианских колониальных владений, но автор ограничил свою задачу и территориально, и хронологически. Его интересуют только венецианские владения в пределах Романии, под которой он понимает Пелопоннес, Аттику, Фессалию с Эпиром, Македонию и Фракию, а также островной мир, расположенный в морях, омывающих эти части Балканского полуострова. Венецианские владения в Истрии, Далмации, Албании, на Сирийском побережье лежат вне сферы его внимания, и даже Кипр и владения венецианцев на Черном море затрагиваются им лишь отчасти. Историю венецианских владений в Романии автор начинает с очень раннего времени, с XI в., но доводит ее только до конца XV в., лишь изредка, в связи с отдельными вопросами, заглядывая в XVI и XVIII столетия. Наиболее подробно характеризуется автором венецианская колониальная политика на Крите и сравнительно мало затрагиваются вопросы других колоний венецианской Романии, что объясняется как особой важностью Крита среди венецианских владений, так и состоянием источников, относительно богатых для истории Кандии и бедных для истории других венецианских колоний. Независимо от всего этого, избранная автором тема очень обширна и включает большое число разнообразных вопросов, некоторые из которых и доныне остаются сугубо дискуссионными. Работа Ф. Тирье является в исторической литературе третьим обобщающим трудом по истории венецианских колониальных владений после обстоятельных, но отчасти уже устаревших книг англичанина У. Миллера¹ и весьма тенденциозного сочинения итальянского историка Бруно Дудана².

Автор рецензируемой книги много работал в венецианских архивах, дважды совершил путешествие по районам средневекового греко-латинского мира, изучил опубликованные источники и обширную литературу

¹ W. Miller. The Latins in the Levant (1204—1566). London, 1908; idem. Essays on the Latin Orient. Cambridge, 1921.

² B. Duda. Il dominio veneziano di Levante. Bologna, 1938.